DOI: 10.17976/jpps/2022.03.04

БАЛКАНЫ. МЕЖДУ КРЕСТОМ И ПОЛУМЕСЯЦЕМ

Я.В. Вишняков, П.Е. Смирнова

ВИШНЯКОВ Ярослав Валерианович, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, МГИМО МИД России, Москва, email: ya.vishnyakov@inno.mgimo.ru;
СМИРНОВА Полина Евгеньевна, аспирант кафедры всемирной и отечественной истории, МГИМО МИД России, Москва, email: psbery@gmail.com

Вишняков Я.В., Смирнова П.Е. 2022. Балканы. Между крестом и полумесяцем. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 38-49. https://doi.org/10.17976/2022.03.04

Статья поступила в редакцию: 10.10.2021. Принята к публикации: 15.02.2022

Аннотация. В течение XIX и XX вв. поиски путей решения Восточного вопроса занимали одно из центральных мест в ряду основных направлений политики России, равно как и европейских государств. При этом Балканский регион и его место в международных отношениях приходится рассматривать в многомерном измерении. С одной стороны, этот регион на весь исследуемый период стал местом геополитического столкновения интересов держав, обусловленных ослаблением Османской империи и превращением ее в "больного человека Европы". Но, с другой стороны, при изучении понятия "Восточный вопрос" следует учитывать происходившие в регионе внутренние процессы, ставшие в XX в. как истоком кровопролитных столкновений между молодыми балканскими странами, так и причиной гражданских (межэтнических) войн 1991-1995 гг. на территории бывшей СФРЮ; в результате этих столкновений возникла открытая агрессия стран Запада против Югославии и по-прежнему нерешенный косовский вопрос. Накопленный исследовательский материал позволяет выделить по отношению к региону понятие "балканская цивилизационно-контактная зона", означающее место многовекового соседства и одновременно столкновения романо-германского, восточно-христианского и исламского миров. Начиная с XVIII в., на европейском континенте формируется своеобразный раскол на две части – Запад и Восток, а к середине XIX в. на пространстве Юго-Восточной Европы складывается понятие "Православный Восток". Кроме того, наполненное множественными смыслами понятие "свой-чужой" принесло в общественный и политический дискурс элит балканских стран представления о "политической античности", мотивированное их стремлением просто и понятно артикулировать свое видение роли и места своего, маленького "компактного" народа в новом мировом порядке. В настоящем исследовании предпринята попытка концептуально обобщить понятие Балканы с точки зрения "образа другого", представления, оказавшего существенное влияние на политические процессы региона, а также на взаимоотношения балканских стран между собой и с "большими" европейскими державами.

Ключевые слова: балканская цивилизационно-контактная зона, Сербия, Балканы, Восточный вопрос, Османская империя, национализм, Версальская система, неоосманизм.

"Дикая Европа". Балканы сквозь призму "ментальной географии"

Американский историк и культуролог Ларри Вульф, рассматривая концепт Восточной Европы, заметил: "подобно тому, как Запад описывал себя через противопоставление с Востоком, так и Западная Европа описывала себя через контраст с Восточной Европой, которая в то же время служила мостом между Европой и Востоком" [Вульф 2003: 39].

Заметим, что XVIII в. – время, когда представление о Европе как о едином целом обрело стройный структурный смысл, определением которого стало емкое понятие "Запад". Однако на европейском континенте существовал иной мир, столь близкий Западу географически, но далекий ему при осмыслении. Знаменитая фултонская речь У. Черчилля 1946 г. о "железном занавесе", который протянулся через "весь континент от Штеттина на Балтийском море и до Триеста на Адриатическом море", лишь иллюстрирует возникший задолго до начала холодной войны раздел Европы на два разных пространства. Не случайно в этой же речи У. Черчилль, недвусмысленно подчеркивая преемственность Европы XX в. с великими античными демократическими и культурными ценностями, конкретно обозначил, что именно это наследие "спасло" Грецию от трагедии попадания в ту, "другую Европу": "одним лишь Афинам, столице древней и вечно прекрасной Греции, была предоставлена возможность решать свое будущее на свободных и равных выборах, проводимых под наблюдением Великобритании, Соединенных Штатов и Франции"[1]. В конце 1980-х – начале 1990-х годов – в ходе решительных изменений в европейской социальной и экономической структурах, глобализации, распада биполярной блоковой системы и итогового торжества неолиберальных идей, – это глобальное понятие "Запад", казалось бы, обрело свои законченные формы.

Действительно, в глобальном сознании Запада политическая карта европейского континента никогда не совпадала с разделяющими его этническими границами. По словам П.С. Куприянова, "отмеченный интерес общества к иным, незнакомым странам и народам, с одной стороны, был органичным элементом в интеллектуальной атмосфере эпохи, пропитанной пафосом познания, столь характерным для века Просвещения, с другой – он диктовался иной составляющей этой атмосферы – развитием этнического самосознания" [Куприянов 2004: 25].

В описаниях путешествий в Балканский регион, в пределы "европейской Турции", куда в начале XIX в. устремились представители самых разнообразных страт Запада – от обывателей, общественных и политических деятелей, писателей, ученых, до представителей высшей государственной и политической европейской элиты, имеется одна общая закономерность. С одной стороны, ими рисуется картина общей отсталости, где обыкновенный европеец чувствовал себя прогрессивным и цивилизованным человеком, высокомерно смотря на чужой, казавшийся ему примитивным мир. С другой же стороны, у европейского наблюдателя возникало ощущение непонятности, сложности и неизвестности этого уголка Европы, в котором зарождалась ключевая и во многом неразрешимая проблема европейской политики XIX-XX вв., получившая соответствующее определение – Восточный вопрос. Само же это понятие – сродни знаменитому Восточному экспрессу, который, по образному выражению Л. Вульфа, не проходил через восточные страны, а вел на Восток. "К тому времени Восточная Европа будет обнаружена, исследована, востребована и даже освобождена, но путешественники по-прежнему предпочтут наблюдать ее из окна" [Вульф 2003: 87]. В свою очередь, словенский антрополог и культуролог Божидар Езерник, посвятивший свое исследование анализу этнокультурных стереотипов, сформировавшихся у западноевропейцев по отношению к народам Балкан, назвал свою книгу достаточно лапидарно – "Дикая Европа" [Езерник 2017]. А британский историк Э. Хобсбаум, заметив,

[1] Текст речи Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже, Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html (accessed 25.03.2022).

что "многие из отвоеванных или освобожденных земель можно было назвать 'европейскими' лишь из вежливости", в то же время подчеркнул, что к началу XX в. "Балканский полуостров все еще рассматривался как 'Ближний Восток', а под 'Средним Востоком' понимали Юго-Западную Азию" [Хобсбаум 1999: 27]. Таким образом "Запад" стал ощущаться не только как некое особое ментальное единство, но и как объект для подражания, причем задолго до его оформления в геополитическую реальность [Таки 2017: 8].

И в этом смысле открытое военное вмешательство стран НАТО в межэтнические конфликты в Боснии и Косово, варварские бомбежки Белграда и других сербских городов в 1999 г. прекрасно иллюстрируют ментальность "Запада": несмотря на вступление или стремление стран Юго-Восточной Европы стать полноправными членами современного Европейского союза, "две Европы" – одна "наша", а другая "не наша", – до сих пор сосуществуют в его сознании. Как заметил Э. Саид, автор ставшей классической работы об ориентализме, само выражение "Восточная Европа" звучит для европейского уха неприятно. "Восточная Европа" есть "порченная Европа", та часть континента, которая, несмотря на свое античное прошлое и принадлежность к *Pax Romana*, стала чужим Востоком [Саид 2006: 635]. Показательно, что в 1999 г. самолеты НАТО бомбили страну, которая в свое время не только отказалась стать частью "чужого" блока, разорвала в 1948 г. отношения с СССР, но еще в конце 1960-х годов провозгласила курс на Запад, став первым социалистическим государством, установившим официальные взаимоотношения с ЕЭС [Энтина 2020: 39-55]. А в 1984 г. находившийся в оппозиции бывший соратник И. Тито, известный югославский политик М. Джилас признавал: "Югославия имеет с Западом самые развитые экономические, технологические, туристические и культурные связи, что в значительной мере оказало влияние и продолжает влиять на форму деятельности и способ мышления" [Анатомия конфликтов... 2012: 652-653].

В то же время разнообразные оценочные суждения путешественников об иных странах, по словам исследователя М.В. Белова, "столько же говорят о стране, в которой они побывали, столько и той социальной и интеллектуальной среде, из которой они вышли" [Открытие... 2018: 527]. Иными словами, изучение "образа другого", который можно исследовать в рамках социальной психологии – кросскультурной и культурно-исторической, а также методами антропогеографии (исследования "ментальной географии" или "ментальных карт") [там же: 519], является новым синергетическим направлением в развитии гуманитарных наук, в том числе таком их общем направлении, как межкультурная коммуникация, которая "в самом общем виде определяется как непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных лингвокультур" [Леонтович 2003: 3].

Между тем возникающие при этом теоретические и практические проблемы невозможно разрешить в рамках единого теоретико-методологического подхода. Уловить тенденции восприятия "Я и Другие" позволяет сочетание конструктивистского и цивилизационного подходов. Именно в данном взаимодействии исследование представлений народов Балкан не только о себе, но и о других, прежде всего – сопредельных народах, исходя из интерпретации концепции больших пространств, позволяет понять реальное положение региона в разные исторические эпохи и его роль в мировой истории и политике[2].

[2] Отношения "Я – Другой" и их значение в формировании национальных, региональных и общеевропейских идентичностей стали, в частности, предметом детального рассмотрения исследователя Ивера Нойманна [Нойманн 2003].

Кроме того, такая "подвижность" в рамках "ментальной (воображаемой) географии" позволяет композиционно объединить в одном исследовании весьма разные по культурно-политическим характеристикам страны с проживающими в их пределах славянскими народами, а также с учетом их контактов с соседними народами, причем не только в Юго-Восточной, но и Центрально-Восточной и даже Восточной Европе (на Восточно-Европейской равнине), где проживают русские, украинцы и белорусы.

Балканы как цивилизационно-контактная зона

С IV в. н.э. Балканы оказались в пограничной зоне деления античного мира на Западную и Восточную Римские империи. Действительно, именно с этого периода, по словам Ф. Броделя, "Запад смотрит на Рим, Восток на Константинополь" [Бродель 2008: 304]. Большая часть Балканского полуострова вошла в восточно-христианское пространство в рамках Византийской империи. На ее просторах в течение тысячи лет образовывались новые, в том числе славянские государства, велись самые разнообразные войны, пока в XV в. здесь не появилась, основанная завоевателями из Центральной Азии обширная Османская империя, что позволяет рассматривать концепт балканской цивилизационно-контактной зоны в качестве маркирующего территорию взаимовлияния и столкновения трех цивилизаций – романо-германской, исламской и восточно-христианской. В 1444 г. после кровопролитной битвы при Варне, окончившейся поражением войска крестоносцев и гибелью польского короля Владислава III, этот пространственный водораздел оформился еще более основательно, а завершением его оформления стало состоявшееся спустя всего 9 лет, в 1453 г., падение Константинополя. В этом смысле еще в конце XIX в. российский историк и филолог В.И. Ламанский определял греко-славянский мир как "средний" – не европейский и не азиатский [Ламанский 1892: 3].

Однако в рамках пространства Османской империи не произошло создания единой балкано-исламской культурно-исторической общности регионального уровня. Османы уничтожили лишь внешние, формальные признаки славянской государственности, не затронув ее структурных цивилизационных, а главное, религиозных основ. Порта, включив в свой состав балканских христиан и заботясь об их лояльности, волей-неволей вынуждена была сохранять основы местных религиозных, культурных, экономических и прочих институтов. Исключение составила территория Боснии, где широкий характер приобрела исламизация сельского населения, и некоторые районы Македонии, где возникали села так называемых торбешей, перешедших в ислам, но сохранивших свой язык и обычаи. Особое место можно отвести Косово, откуда, начиная с конца XVII в., начался массовый исход сербов, что формировало, с одной стороны, албанский этнос и "косовский вопрос", а с другой – ключевые для национальной памяти сербов понятия – *косовский завет*, *сербский исход*, *сербская Голгофа*. Заметим также, что в конце XIX – начале XX в. существенную роль в искусственном конструировании албанской нации как противовеса православным народам Балкан играла Австро-Венгрия, прилагавшая в этом направлении немало усилий – в сферах образования и религии, а также – по формированию литературного албанского языка [Толева 2018]. Сегодня именно территории Балканского полуострова вокруг Косово являются наиболее конфликтогенными зонами.

И если в XV-XVII вв. "европейская Турция" находилась в состоянии латентного развития "типа зимней спячки, когда жизнь поддерживается программой, не зависящей от внешних неблагоприятных параметров, так, чтобы не быть

уничтоженной" [Шеремет, Кузьмин 1998: 62], то со второй половины XVIII в. на Балканах, под влиянием французского Просвещения, выдвинувшего принцип, "в соответствии с которым индивиды и общины имеют право отделиться от одного государства и примкнуть к другому" [Кедури 2010: 70], начинается процесс складывания самостоятельных наций и национального самосознания.

С другой стороны, именно на окраинных землях Османской империи, в том числе на территории Белградского пашалыка, ярче всего проявлялся ее внутренний системный кризис, притом что сами османы к началу XIX в. застыли на уровне народа, несущего в Европу исключительно разрушительное начало, абсолютизировав функцию сохранности и неизменности своего "социокультурного стержня". Они "фактически провоевали всю эпоху Возрождения, они не среагировали на Реформацию и Контрреформацию, которые внесли принципиальные сдвиги в миры-экономики. Новое время застало их в Балканском регионе на уровне бесплодных попыток сдержать ятаганом снежную лавину" [Шеремет, Кузьмин 1998: 62].

С начала XIX в. балканский вопрос стал рассматриваться и актуализироваться ведущими державами сквозь призму своих интересов. В середине XIX в., после Крымской войны 1853-1856 гг., как справедливо заметил историк В. Таки, "'Турция в Европе' трансформировалось в новое глобальное явление мировой политики – 'Православный Восток', ставший главным предметом спора между Россией и католическим или протестантским, но в любом случае более светским Западом" [Таки 2017: 272]. Эта война, несмотря на поражение Российской империи в ней, стала реальной чертой в эволюции представлений Запада и России о православных христианах на Балканах. Решающим фактором российско-сербских, российско-греческих, российско-болгарских или российско-румынских отношений стали теперь не отношения Петербурга и Османской империи, а все то же противостояние России и Запада [там же: 263].

Осознание гибельности собственной внешней политики пришло к османским правителям слишком поздно, в конце XVIII – первой половине XIX в., когда начались реформы султанов Селима III и Махмуда II, перешедшие в эпоху Танзимата (1839-1879 гг.). Спасение своей империи ее правители увидели в развитии идеи "османизма", основным содержанием которой был принцип равенства всех граждан империи независимо от национальности и вероисповедания, что нашло отражение в деятельности организации "Новые османы" во главе с писателем Намыком-Кемалем. В 1876 г. в империи была принята конституция, провозглашавшая эти принципы, но время было упущено. Многовековой исторический соперник России все больше и больше превращался из субъекта в объект международных отношений.

В современных политических концепциях Турецкой республики идея "неоосманизма" – возврата в реалии современного мира традиций славного прошлого Османской империи, что "подразумевает под собой связь внешней политики современной Турции с историческим наследием османов" [Мехдиев 2016: 32-39], является важным инструментом противодействия концепту европейского ориентализма, в основе которого лежит дихотомия Запад – Восток как абсолютизация различий "мы" – "чужие они" [Саид 2006]. Причем для современных турецких историков и политиков характерно стремление подчеркнуть глубокие исторические корни присутствия современной Турции на Балканах, а сама она провозглашается неотъемлемой частью региона и его проблем [Свистунова 2020: 63-65].

В контексте этой концепции именно Западные Балканы как важная часть политики мягкой силы являются той исторической почвой, на которой держится понимание "европейскости" Турции, могущей, в контек-

сте этой идеи, как и 600 лет назад, стать для разделенных кровопролитной гражданской войной народов бывшей Югославии неким новым славянским "Пьемонтом"[3] [Танасковић 2011]. И в рамках этой концепции связанные в единое ментальное географическое пространство Босния, Косово, Санджак, Албания – исламские регионы Балкан, должны стать основой экономической, политической и культурной платформы Турецкой республики в Восточном Средиземноморье [Мамедов 2021: 44-54].

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ" КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПОСТЪЮГОСЛАВСКОГО ПРОСТРАНСТВА

С другой стороны, примечательной чертой, как "долгого" XIX в., так и "короткого" XX в.[4] стали концепции национального самосознания и национальной идентичности. Именно феномен европейского национализма стал источником многих – региональных и глобальных – конфликтов. В отличие от Западной Европы процесс национального разграничения на Балканах не был полностью завершен, чему немало способствовало вмешательство великих держав с целью решения в свою пользу Восточного вопроса. Во многом именно внешний фактор сыграл огромную роль в межэтнической напряженности региона, формируя этническую чересполосицу и множество территориальных споров. Однако дело было не только в этом. Совместить границы государств с границами наций, которые, по словам М.Ю. Мартыновой, объединяли бы "этническое сообщество, а не граждан страны" [Мартынова 1998: 362], оказалось невозможно. Если в XIX в. европейский национализм преследовал цели создания более крупных политических образований с идеей коллективной идентификации под эгидой общей политической администрации, что порождало различные панславистские концепции, то в конце XX в. большинство национальных движений стали обращаться к политизированной архаике – проповедовать цели этнического размежевания, а не межэтнической интеграции. Для достижения этих целей нужны были более компактные и более этнически однородные образования, оформление которых произошло в ходе югославской войны 1991-1995 гг.

Согласимся со словами историка В.И. Фрейдзона "Принцип 'нация-государство' как этноконсолидирующий здесь 'не работал', но народы провозглашали и его в качестве цели. Для объяснения и оправдания национальной консолидации национальные деятели видели ее основу в формировании национальной культуры, культурных и политических традиций" [Фрейдзон 1999: 4-5]. Сформировать общую "югославянскую" культуру не удалось в немалой степени потому, что следствием Первой мировой войны, приведшей к распаду Османской и Австро-Венгерской империй, стала Версальская система, в основе которой лежала идея о праве наций на самоопределение. На осколках этих империй в регионе образовалось новое наднациональное "югосферическое" государство – Королевство Сербии, Хорватии и Словении (КСХС). Как показала история, надуманная "югославянская нация" как "троименный народ" – сербы, хорваты и словенцы – на практике была осуществлена под знаком унитарной концепции, что порождало новые опасные противоречия, в том числе межнациональные [Ефременко 2021: 129]. Историк А.Л. Шемякин очень метко подметил, что, "объединившись с Белградом, Загреб и Любляна 'перешли' в лагерь победителей... в составе

[3] См. также рецензию на книгу Д. Танасковић *"Неоосманизам: доктрина и спољнополитичка пракса"* [Едемский 2012: 204-208].

[4] В контексте исторического времени XIX век можно отсчитывать с 1789 по 1914 г., а XX век – с 1914 по 1991 г.

Югославии Хорватия и Словения (по большей части) смогли защитить свои этнические территории, что вряд ли бы им удалось в одиночку" [Югославия 2011: 211]. При этом Хорватия "...только в едином с сербами государстве... завершила процесс национально-политической консолидации – Загреб и Сплит, наконец, оказались 'под одной крышей'. В случае независимости Хорватии часть Далмации была бы непременно аннексирована Италией, как то и предполагалось Лондонским договором[5], а часть бы отошла к Сербии" [там же].

Тем не менее и сегодня вопрос о том, как образы империй прошлого, в том числе в контексте полисмыслового понятия "свой-чужой", связаны с этнической идентичностью микрорегиона в рамках балканского пространства, весьма актуален. Как констатирует А.С. Мыльников, "при языковой близости славян, одновременно входивших в состав католической Габсбургской и мусульманской империй, на передний план выступали этнотерриториальные и конфессиональные признаки" [Мыльников 1999: 284]. Вместе с тем "чужие" в этом процессе являются не менее важным элементом, чем сама идентифицируемая группа, поскольку определение собственных границ само по себе предполагает наличие того, от кого необходимо отделиться [Куприянов 2004: 25]. Неслучайно XX век принес в общественный и политический дискурс элит балканских стран понятие "политическая античность", связанное с попытками придать некую научность политическим практикам, с помощью которых можно было дать собственным гражданам простое и понятное объяснение роли и места своего маленького "компактного" народа в новом мировом порядке [Улунян 2019: 205]. Причем этот конструкт, став элементом своеобразной войны памяти, призванной уничтожить всякое упоминание о некогда проживавшем на данной территории "чужом" народе и о времени вынужденного с ним соседства, "характеризуется широким территориальным охватом и взаимопроникновением", а продвигающие его элиты "стремятся доказать автохтонный характер населения и его европейскость" [там же: 236].

Действительно, по словам историка и политолога Е.Г. Пономаревой, "важнейшей функцией микрогосударств является чисто инструментальная роль формального самоопределения территорий, которые по разным причинам не могут находиться под прямым контролем мега- или макрогосударств" [Пономарева 2013: 198]. В этом смысле национализм, сливаясь с культурой, историей и традициями, призван сформировать в обществе не только особое, отличное от других, соседних народов, восприятие "родины", но и особую коллективную идентичность, которая, по словам И. Нойманна, "определяется целыми напластованиями 'Других'" [Нойманн 2003: 14]. Утверждение о "бесспорной" принадлежности малого народа к Западу и его ценностям – наследию все той же античности – служит в дискурсе национализма "очевидным" доказательством его уникальности и древности. В разное время и в разных странах Балканского полуострова восходящие к античности исторические мифы приобретали вполне зримые черты "очевидного". Это и реконструируемое иллирийское прошлое албанцев и хорватов, и мифологические доктрины о сербах как самом древнем народе Европы, и болгарская фракийская концепция, и греческая (македонская) "вергинская звезда". Эти и иные попытки объявить свои народы наследниками великих античных культур и внедрить узнаваемые символические образы античности в свою государственную символику – служат не только цели подтверждения "исторического права" владения собственной территорией, но и обоснованием претензий на доминирование в регионе.

[5] Имеется в виду договор 1915 г., по условиям которого Италия выступила на стороне Антанты.

В частности, яркой иллюстрацией этой "борьбы за античное наследие" служит давний греко-македонский спор о названии страны. Для греков было неприемлемо использование наименования Македония вне греческого контекста. Но образы античной Македонии весьма причудливо вписались в символику возникшей после 1991 г. новой страны, независимой Македонии, а древние македонские правители – Филипп и его сын Александр Великий – провозглашались, наряду с героями ВМРО (см. сноску 7) и Илиденского восстания 1903 г., символами новой нации [Колосков 2013]. Преспанское соглашение 2018 г., казалось бы, урегулировало давний греко-македонский спор о названии страны и устранило тем самым препятствие на пути вступления бывшей югославской республики в НАТО[6] и Европейский союз. Но оно, тем не менее, вызвало резкое неприятие со стороны значительной части граждан и в Македонии, и в Греции, усмотревших в нем угрозу национальной идентичности[7].

Заметим, что обращение к образам античного мира характерно для процесса образования национальных государств Германии и Италии в середине – второй половине XIX в. В то же время процессы, проходившие в Европе, особенно в канун революции 1848-1849 гг., влияли и на народы Балкан[8]. В Хорватии, в землях империи Габсбургов, зародилась как протест против мадьяризации, концепция "Великой Иллирии", а первым шагом на пути ее воплощения в жизнь должно было стать литературно-языковое объединение южных славян, прежде всего хорватов, сербов и словенцев[9]. К тому же распространение среди южных славян иллиризма могло перехватить инициативу у сербского национального движения, перенести центр югославянства из Белграда в Загреб. Именно на этой основе к началу XX в. оформилась доктрина югославизма – движения, в фундаменте которого лежало создание единого югославянского народа с особым местом Хорватии. В свою очередь, в 1840-е годы в Сербии – тогда автономии в составе Османской империи, в контексте исторической памяти о некогда существовавшем средневековом сильном и могущественном "Душановом царстве", формировалась внешнеполитическая концепция "Начертание", провозглашавшая создание на базе княжества большого южнославянского государства с расширением его территории за счет Боснии и Герцеговины, Черногории, Северной Албании и получением выхода к Адриатическому морю. Истоки будущих кровавых противоречий в регионе зарождались уже тогда, в первой половине XIX в., а схожие идейные практики стали характерны как для внесистемной, так и для подконтрольной правящим режимам современных балканских стран

[6] Уже в следующем 2019 г. Северная Македония вступила в НАТО.

[7] См. подробнее: [Колосков 2011]. На состоявшихся в октябре 2021 г. местных выборах, по сообщениям ЦИК Северной Македонии, наибольшее количество мест получила самая крупная оппозиционная партия страны ВМРО-ДПМНЕ (Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство).

[8] Еще в 1844 г. в Греции оформилась "мегали идея" (великая идея) – ирредентистская концепция возрождения греческого государства на основе воссоздания Византии и включения в состав будущего государства всех земель, принадлежавших грекам с античных времен. Данная идея оказала существенное влияние на идеологию национально-освободительных движений, находившихся под властью Османской империи, славянских народов – болгар и сербов.

[9] Об иллиризме см. подробнее [Лещиловская 2013]. Заметим, что языковой вопрос является важным инструментом формирования гражданской идентичности современных стран постъюгославского пространства и важным орудием политической борьбы, инструментом размежевания народов бывшей Югославии. См. подробнее: [Попадьева 2021].

внутрисистемной оппозиции, что, впрочем, является предметом отдельного исследования.

Такие геополитические проекты позволили элитам балканских стран внедрить в общественное сознание веру в то, что именно политические, экономические или социальные стандарты Запада способны изменить жизнь к лучшему – бросить новый цивилизационный вызов ценностям и практикам патриархального социума. Однако очевидна бессмысленность попыток насаждения внешних политических, экономических или социальных достижений "большой" Европы, если им не придаются институциональные формы и базовые функции, а поверхностное напластование либеральных ценностей таит в себе немало опасностей. На деле такая политика ведет к формированию имитационной системы, к тому, что высшие слои чиновничьей и военной элиты балканских стран обеспечивают своей деятельностью не столько решение конкретных управленческих задач государства, сколько свою партикулярную, в данном случае архаичную, "семейную" мотивацию, которую они ставят выше общегосударственных целей. Представителей органов власти всех стран региона, в большей или меньшей степени, отличает лояльность по принципу "кровной связи", заинтересованность в реализации посредством партийных структур личных амбиций, готовность использовать самые разнообразные коррупционные схемы ради собственного обогащения.

Резюмируя сказанное выше, солидаризируемся с мнением отечественного историка В.И. Косика: "Если задаться вопросом о том, что принес прошлый век славянским народам Балкан в цивилизационном отношении, то ответ будет один: желание стать европейцем. И если многие идеи, установки, постулаты не получили своего развития или провалились, то объяснение случившегося следует искать, иронически говоря, в 'свободе воли'" ([Косик 2002: 251]; см. также [Косик 2017]). Следуя за А.А. Улуняном, подтвердим: внедренное в XX в. в общественный и политический дискурс элит балканских стран понятие "политическая античность" служило обоснованием не столько уникальности "маленького" народа, но, главное, его принадлежности Европе.

Мифологемы народов региона позволяют адекватно и более объективно оценить современные балканские реалии и увидеть глубинную причину серьезных противоречий и кровавых конфликтов между на первый взгляд близкими, но столь различными по своей глубинной сути народами Балкан. Однако их включение в масштабный общеевропейский проект отнюдь не означает, что балканские противоречия остались в прошлом.

DOI: 10.17976/jpps/2022.03.04

THE BALKANS. BETWEEN THE CROSS AND THE CRESCENT

Ya.V. Vishnyakov[1], P.E. Smirnova[1]

[1] MGIMO University. Moscow, Russia

VISHNYAKOV, Yaroslav Valerianovich, Dr. Sci. (Hist.), Professor of World and Russian History Department, MGIMO University, email: ya.vishnyakov@inno.mgimo.ru; **SMIRNOVA, Polina Evgenievna**, postgraduate student, World and Russian History Department, MGIMO University, email: Psbery@gmail.com

Vishnyakov, Ya.V., & Smirnova, P.E. (2022). The Balkans. Between the Cross and the Crescent. *Polis. Political Studies*, 3, 38-49. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.04

Received: 10.10.2021. Accepted: 15.02.2022

Abstract. Throughout the 19th and 20th centuries the Eastern Question and the ways to resolve it were placed at the top of the international political agenda both in Russia and in other European states. Thus the

Balkans and its place in international relations should be considered as a multidimensional issue. On the one hand they are at a geopolitical collision point of the Powers' interests associated with the decline of the Ottoman Empire and its transformation into a "sick man of Europe". On the other hand, when studying the concept of the "Eastern Question", one should take into account the internal processes taking place in the region, which in the twentieth century became both the source of bloody clashes between the young Balkan countries and the cause of the civil war of 1991-1995 on the territory of the former SFRY, as well as the unresolved Kosovo issue, which brought about an open aggression of Western countries against Yugoslavia. What is more, the accumulated research material allows us to single out in relation to the region the concept of "Balkan civilizational contact zone" as a place of both centuries-old neighborhood and a clash of the Romano-Germanic, Eastern Christian and Islamic worlds. At the same time, starting from the 18th century, a split into two parts – the West and the East – was starting on the European continent, and in the middle of the 19th century, the concept of the "Orthodox East" was taking shape in Southeastern Europe. In addition, the polysemantic concept of "friend or foe" brought the concept of "political antiquity" into the public and political discourse of the elites of the Balkan countries, associated with attempts to give a simple and understandable explanation of the role and place of one's own, small "compact" people in the new world order. This study attempts to generalize the concept of the Balkans in terms of a "different image", which had a significant impact on the political processes of the region, as well as on the relations of the Balkan countries, both among themselves and with the "great" European powers.

Keywords: Balkan civilizational contact zone, Serbia, Balkans, Eastern Question, Ottoman Empire, nationalism, Versailles System, neo-Ottomanism.

References

Anatomija konfliktov. Central'naja i Jugo-Vostocnaja Evropa. Vol 1. Nachalo 1970-kh – pervaya polovina 1980-kh godov [Anatomy of conflicts. Central and South-Eastern Europe: documents and materials of the last third of the 20th century. Vol. I. The beginning of the 1970s – the first half of the 1980s]. (2012). St. Petersburg: Aletheia, 736 p. (In Russ.)

Braudel, F. (2008). Grammaire des civilisations. (Russ. ed.: Braudel, F. Grammatika tsivilizatsii. Moscow: Ves' mir. 552 p.).

Edemskii, A.B. (2012). Neo-Ottomanism as a reality of modern geopolitics. *Problems of the National Strategy,* 2, 204-208. (In Russ.)

Efremenko, D.V. (2021). Skeletons in a Slavic closet. Controversies of historical memory and nation-building in Serbia and Croatia after the collapse of the SFRY. *Polis. Political Studies*, 5, 127-145. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.09

Entina, E.G. (2020). EEC and Yugoslav cooperation in the frames of modern international relations in Europe. *MGIMO Review of International Relations*, 13(1), 39-55. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-39-55

Freidzon, V.I. (1999). Natsiya do natsional'nogo gosudarstva. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk Tsentral'noi Evropy XVIII v. – nachala XX v. [Nation before the nation state: a historical and sociological essay on Central Europe in the 18th – Early 20th Centuries]. Dubna: Feniks. 96 p. (In Russ.)

Hobsbawm, E.J.E. (1999). The Age of Empire: 1875-1914. (Russ. ed.: Hobsbawm, E. Vek imperii 1875-1914. Rostov on Don: Feniks. 512 p.).

Jezernik, B. (2003). Wild Europe: the Balkans in the gaze of Western travellers. (Russ. ed.: Jezernik, B. Dikaya Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov. Moscow: Lingvistika. 358 p.).

Kedourie, E. (2010). Nationalism. (Russ. ed.: Kedourie, E. Nationalism. St. Petersburg: Aletheia. 136 p.).

Koloskov, E.A. (2011). Alexander the Great in the context of the Greek-Macedonian naming dispute. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, 4, 102-107. (In Russ.)

Koloskov, E.A. (2013). Strana bez nazvaniya: vneshnepoliticheskii aspekt stanovleniya makedonskogo gosudarstva (1991-2001) [The country is unnamed: the foreign policy aspect of the formation of the Macedonian State (1991-2001)]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 276 p. (In Russ.)

Kosik, V.I. (2002). Balkany: odin tezis Iozefa Gebbel'sa i odinnadtsat' moikh [Balkans: one thesis of Joseph Goebbels and eleven of mine]. In Yugoslavyanskaya istoriya v novoe i noveishee vremya. Materialy nauchnykh chtenii, posvyashchennykh 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.G. Karaseva (1922-1991) [Yugoslav history in modern and contemporary times. Materials of scientific readings dedicated to the 80th anniversary of the birth of Professor V.G. Karasev (1922-1991)]. Moscow: Mosgorarchiv. P. 249-251. (In Russ.)

Kosik, V.I. (2017). Zaminirovannaya kul'tura [Mined culture]. Moscow: Probel-2000. 224 p. (In Russ.)

Kuprianov, P.S. (2004). In Search of Ethnos: the study of early 19th-century Russian foreign travel accounts. *Ethnographic Review,* 2, 21-37. (In Russ.)

Lamanskii, V.I. (1892). Tri mira Aziisko-Evropeiskogo materika [Three universes of the Asian-European continent]. St. Petersburg: Tipo-chromo-lit. A. Transhel'. 132 p. (In Russ.)

Leontovich, O.A. (2003). Rossiya i USA: vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu: Uchebnoe posobie [Russia and USA: an introduction to intercultural communication]. Volgograd: Peremena. 399 p. (In Russ.)

Leshchilovskaya, I.I. (2013). Khorvatiya v XVII–XIX vekakh: kul'turnye aspekty istoricheskogo razvitiya [Croatia in the 17th-19th centuries: cultural aspects of historical development]. Moscow: Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 460 p. (In Russ.)

Mamedov, I.M. (2021). The ideological dimension of Turkey's policy in the 20th – early 21st centuries. *Slavianovedenie*, 1, 44-54. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S0869544X0012825-0

Martynova, M.Yu. (1998). Balkanskii krizis: narody i politika [Balkan crisis: peoples and politics]. Moscow: Staryi sad. 466 p. (In Russ.)

Mehdiyev, E.T. (2016). "Neo-Ottomanism" in the regional policy of Turkey. *MGIMO Review of International Relations,* 2, 32-39. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39

Myl'nikov, A.S. (1991). Kartina slavyanskogo mira: Vzglyad iz Vostochnoi Evropy: Predstavleniya ob ehtnicheskoi nominatsii i ehtnichnosti XVI – nachala XVIII veka [A picture of the Slavic World: a view from Eastern Europe: ideas about ethnic nomination and ethnicity of the 16th – early 18th centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 400 p. (In Russ.)

Neumann, I.B. (2003). Uses of the other. The 'East' in European identity formation. (Russ. ed.: Neumann, I.B. Ispol'zovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 336 p.)

Nikiforov, K.V. (Ed.) (2011). Yugoslaviya v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii [Yugoslavia in the 20th century. Essays on political history]. Moscow: Indrik. 888 p. (In Russ.)

Otkrytie "brat'ev slavyan": russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka [Discovery of the "Brothers of the Slavs": Russian travelers in the Balkans in the first half of the 19th century]. (2018). Compiled by M.V. Belov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 672 p. (In Russ.)

Ponomareva, E.G. (2013). Actual discoure about tipes and development tendencies national state. *MGIMO Review of International Relations,* 4, 195-204. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-4-31-195-203

Popadeva, T.I. (2021). The Politics of Language in Constructing Civil Identity: Case of Bosnia and Herzegovina. *MGIMO Review of International Relations,* 14 (4), 91-106. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106

Said, E.W. (2006). Orientalism. (Russ. ed.: Said, E.W. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. St. Petersburg: Russkij mir. 640 p.)

Sheremet, V.I. Kuzmin, I.A. (1998). O tsivilizatsionnoi roli balkanskoi kontaktnoi zony [On the civilizational role of the Balkan contact zone]. In *Susret ili sukob civilizacija na Balkanu* [Meeting or clash of civilizations in the Balkans] (pp. 59-67). Beograd: Istorijski institut SANU; Srpska zadruga cijevna. (In Russ.)

Svistunova, I.A. (2020). Turkey's Policy in the Balkans: the role of ethnic and religious minorities. *Contemporary Europe,* 4, 61-71. (In Russ.) https://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171

Taki, V. (2017). Tsar and sultan. Russian encounters with the Ottoman Empire. (Russ. ed.: Taki, V. Tsar' i sultan. Osmanskaya imperiya glazami rossiyan. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 320 p.)

Tanaskovic, D. (2011). Neo-Ottomanism: doctrine and foreign policy practice. Belgrade: Sluzhbeni glasnik. 160 p. (In Serb.)

Toleva, T. (2018). Uticaj Austrougarske imperije na stvaranje albanske nacije 1896-1908. (Russ. ed.: Toleva T. Avstro-Vengriya i stanovlenie albanskoi natsii. Moscow: Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 504 p.)

Ulunyan, A.A. (2019). Balkany i "arkhaichno-antichnoe" prostranstvo: istoricheskie otrazheniya v ideologicheskoi srede natsional'nykh diskursov [Balkans and "archaic-antique" space: historical reflections in the ideological environment of national discourses]. In M.S. Bobkova (Ed.), *Konstruirovanie istorii. Kto my?* [History Construction. Who are we?] (pp. 205-236). St. Petersburg: Evraziya. (In Russ.)

Wolff, L. (2003). Inventing Eastern Europe. The map of civilization on the mind of the enlightenment. (Russ. ed.: Wolff, L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii ehpokhi Prosveshcheniya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 560 p.).

Литература на русском языке

Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. I. *Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов*. 2012. СПб.: Алетейя. 736 с.

Бродель Ф. 2008. *Грамматика цивилизаций*. М.: Весь мир. 552 с.

Вульф Л. 2003. *Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М.: Новое литературное обозрение. 560 с.

Едемский А.Б. 2012. Неоосманизм как реальность современной геополитики. *Проблемы национальной стратегии*. № 2. С. 204-210.

Езерник Б. 2017. *Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников*. М.: Лингвистика. 358 с.

Ефременко Д.В. 2021. "Скелеты в славянском шкафу". Контроверзы исторической памяти и нациестроительство в Сербии и Хорватии после распада СФРЮ. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 127-145. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.09

Кедури Э. 2010. *Национализм*. СПб.: Алетейя. 136 с.

Колосков Е.А. 2011. Александр Великий в контексте греко-македонского спора о наименовании. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. № 4. С. 102-107.

Колосков Е.А. 2013. *Страна без названия: Внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991-2001 гг.)*. М.: Институт Славяноведения РАН. 276 с.

Косик В.И. 2002. Балканы: один тезис Иозефа Геббельса и одиннадцать моих. *Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922-1991)*. М.: Мосгорархив. С. 249-251.

Косик В.И. 2017. *Заминированная культура*. М.: Пробел-2000. 224 с.

Куприянов П.С. 2004. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. *Этнографическое обозрение*. № 2. С. 21-37.

Ламанский В.И. 1892. *Три мира Азийско-Европейского материка*. СПб.: Типо-хромо-лит. т-ва А. Траншель. 132 с.

Леонтович О.А. 2003. *Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию*. Волгоград: Перемена. 399 с.

Лещиловская И.И. 2013. *Хорватия в XVII-XIX веках: культурные аспекты исторического развития*. М.: Институт славяноведения РАН. 460 с.

Мамедов И.М. 2021. Идейное измерение политики Турции в XX – начале XXI века. *Славяноведение*. № 1. С. 44-54. https://doi.org/10.31857/S0869544X0012825-0

Мартынова М.Ю. 1998. *Балканский кризис: народы и политика*. М.: Старый сад. 466 с.

Мехдиев Э.Т. 2016. "Неоосманизм" в региональной политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 32-39. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39

Мыльников А.С. 1991. *Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века*. СПб.: Петербургское востоковедение. 400 с.

Нойманн И.Б. 2003. *Использование "Другого". Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство. 336 с.

Открытие "братьев славян": русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. 2018. Сост. М.В. Белов. СПб.: Нестор-История. 672 с.

Пономарева Е.Г. 2013. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства. *Вестник МГИМО-Университета*. № 4. С. 195-204. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-4-31-195-203

Попадьева Т.И. 2021. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 14. № 4. С. 91-106. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106

Саид Э.В. 2006. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Міръ. 640 с.

Свистунова И.А. 2020 Балканская политика Турции: роль этно-конфессиональных меньшинств. *Современная Европа*. № 4. С. 61-71. http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420206171

Таки В. 2017. *Царь и султан. Османская империя глазами россиян*. М.: Новое литературное обозрение. 320 с.

Толева Т. 2018. *Австро-Венгрия и становление албанской нации*. М.: Институт славяноведения РАН. 504 с.

Улунян А.А. 2019. Балканы и "архаично-античное" пространство: исторические отражения в идеологической среде национальных дискурсов. *Конструирование истории. Кто мы?* Под. ред. М.С. Бобковой. СПб.: Евразия. С. 205-236.

Фрейдзон В.И. 1999. *Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в*. Дубна: Феникс. 96 с.

Хобсбаум Э. 1999. *Век империи 1875-1914*. Ростов-на-Дону: Феникс. 512 с.

Шеремет В.И., Кузьмин И.А. 1998.О цивилизационной роли балканской контактной зоны. *Сусрет или сукоб цивилизација на Балкану*. Београд: Историјски институт САНУ; Српска књижевна задруга. С. 59-67.

Энтина Е.Г. 2020. Сотрудничество Югославии и Европейского экономического сообщества в контексте современных интеграционных процессов в Юго-Восточной Европе. *Вестник МГИМО-Университета* Т. 13. № 1. С. 39-55. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-39-55

Югославия в XX веке. Очерки политической истории. 2011. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик. 888 с.

Литература на сербском языке

Танасковић Д. 2011. *Неоосманизам: доктрина и спољнополитичка пракса*. Друго, допуњено издање. Београд: Службени гласник. 160 с. (Танаскович Д. 2011. Неоосманизм: доктрина и внешнеполитическая практика. Белград).